

УДК 9

DOI 10.21661/r-118420

С.Л. Данильченко

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.В. СТАЛИНА

Аннотация: по мнению автора, сегодня возрастает значимость отечественной истории в личностном самоопределении граждан: она помогает современному человеку осознать себя как представителя исторически сложившегося гражданского, этнокультурного и конфессионального сообщества. Но для успешного решения стоящих перед нынешней Россией задач необходим более высокий уровень обобщения политических идей и государственной деятельности И.В. Сталина.

Ключевые слова: государственная деятельность, исторически сложившиеся гражданское, этнокультурное и конфессиональное сообщества, политические идеи, советское национально-государственное строительство, отечественная геополитика.

S.L. Danilchenko

HISTORICAL ASSESSMENT OF STALIN'S STATE AND POLITICAL ACTIVITY

Abstract: according to the author national history nowadays plays an important role in citizens' self-determination: it helps a modern person to realize that he is a part of historically developed, civil, ethno-cultural and confessional communities. To solve some problems of modern Russia, it is necessary to summarize Stalin's political ideas and government activities at a high level.

Keywords: government activities, historically developed civil, ethno-cultural and confessional communities, political ideas, Soviet nation-building, national geopolitics.

Сталин – один из мировых политиков, которые своими руками создавали историю, определяли картину мира, смещали и назначали правительства. По масштабу деятельности и влиянию, оказанному на судьбы мира, Сталина можно сравнить с такими историческими деятелями, как Юлий Цезарь и Александр Македонский, Петр I и Чингисхан. Немного найдется людей, судьбу которых можно сравнить с судьбой И.В. Сталина. Мальчик, родившийся 21 декабря 1879 года в семье грузинского сапожника, стал самым могущественным политиком XX века, долгие годы диктовавшим свою волю народам Советского Союза и Европы. Со смертью Сталина 5 марта 1953 года умерла целая эпоха. Между этими двумя датами были учеба в духовном училище и Октябрьская революция, участие в «экспроприациях» и руководство великой страной, подполье и войны. После его смерти миллионы советских граждан искренне рыдали, не понимая, как жить дальше. Через несколько лет те же люди проклинали его. Злейшие враги относились к нему с глубочайшим уважением, а бывшие товарищи развернули кампанию по «преодолению культа личности». В то же время такой непримиримый противник большевизма, как Уинстон Черчилль, считал, что И.В. Сталин был великой и сложнейшей исторической личностью, человеком, создавшим огромную империю, правителем, который принял Россию с сохой, а оставил с атомным оружием. «Иосиф Сталин был неповторимый и несравненный феномен со своей мудростью, дальновидностью, талантом и волей полководца», – говорил Черчилль на заседании британского парламента 21 декабря 1959 года, посвященном 80-летию Сталина. Имя И.В. Сталина в историческом сознании российского общества никогда не исчезнет. О нем всегда будут говорить или с восхищением, или с ненавистью. Наверное, непредвзято, объективно определить место, которое Сталин занимает в истории, можно будет еще не скоро – слишком мало времени прошло.

Проблемы, связанные с государственными делами и политическими идеями И.В. Сталина, актуальны и сегодня, они не отдалились, не стали историей. Его до сих пор воспринимают не как исторического деятеля, а как действующего политика. Он принадлежит не прошлому, а настоящему. Говоря о Сталине, говорят не об

истории, а о современности. И поэтому одни клеймят его как тирана, преступника, кровавого убийцу, а другие считают великим правителем, гением, спасителем Отечества. Никто из нынешних исследователей не претендует на окончательную и объективную оценку этой, безусловно, неординарной и многогранной личности. Время ответов еще не пришло. И.В. Сталин остается одной из величайших загадок ушедшего тысячелетия. Несомненно, что люди еще долго будут обращаться к изучению его исторического наследия в поисках ответов на вечные вопросы, которые ставит перед человеком история. Возможно, знакомство с системой политических взглядов Сталина поможет по-другому взглянуть на эту личность, глубже понять ее, оценить с новой точки зрения.

И.В. Сталин был единственным большевистским лидером, осознанно и неизменно отстаивающим в 1920-е годы политический курс на сохранение российской государственности. Концепция областной автономии, тезис о социалистическом унитаризме России, жесткая политика по отношению к разного рода сепаратистским течениям свидетельствуют о том, что он отождествлял победу социализма в России с сохранением ее территориальной целостности. Проводя в жизнь политику автономизации, Сталин выражал интересы только тех партийных и государственных функционеров центра и окраин, политические и экономические воззрения которых в основном отвечали интересам укрепления российской государственности. Равноправие субъектов федерации, составляющее суть плана автономизации И.В. Сталина, обеспечивало стабильность во взаимоотношениях центра и окраин – провал этого плана вверг партию в острые дискуссии, которые объективно вели к ослаблению единства страны.

Взяв курс на ускоренное развитие окраин за счет Центральной России, Сталин, с одной стороны, пошел по пути наименьшего сопротивления амбициям республик, с другой стороны – укрепляя партийный аппарат и проводя ротации республиканских кадров, добился того, что сепаратистские устремления местных властей в 1930-е годы были фактически аннулированы. Территориальный рост СССР в 1939–1940 годах означал, прежде всего, справедливый возврат утраченных Россией в 1919–1921 годах своих исконных земель, насиль-

ственно отторгнутых иностранными державами. Национально-государственная политика советского руководства обуславливалась крайне сложной международной обстановкой, сложившейся в Европе в 1939–1940 годы. И.В. Сталин был поставлен перед жесткой политической дилеммой – идти на такие же смелые геополитические решения как Адольф Гитлер, или отдать последнему полную свободу действий в Европе, как это сделали в 1939 году Великобритания и Франция. Последняя поплатилась за это своей независимостью.

Преодолев догматический, ярко выраженный антирусский характер марксистского коммунизма 1920-х годов, Сталин беспрецедентно по отношению к мировому и отечественному историческому опыту соединил основные элементы традиционного русского патриотизма с идеалами социализма, что содействовало не только укреплению нового советского патриотизма по отношению к многовековому прошлому России, но и росту международного авторитета СССР, а, следовательно, и усилению его геополитических позиций в мире.

Инициированная Сталиным политика «большого скачка» и массовой коллективизации первоначально была чисто политическим маневром, с помощью которого он получил возможность сплотить вокруг себя колеблющихся членов руководства и обвинить остальных в «правом уклоне» и сопротивлении политике ускоренной индустриализации. Вопрос о темпах индустриализации тоже был инструментом политической борьбы.

Поворот к ликвидации кулачества был в значительной мере «костью, брошенной народным массам», а не следствием идеологической зашоренности Сталина.

Почему все же первоначально планировавшаяся индустриализация на базе НЭПа окончилась кризисом на рынке зерна в конце 1920-х годов?!

При более высокой относительной закупочной цене крестьяне были бы готовы предложить на рынок больше зерна. Но из переписки И.В. Сталина с В.М. Молотовым видно, что он прекрасно осознавал эту связь между ценами и объемами продаж. Однако при сокращении или ликвидации разрыва в госу-

дарственных и рыночных ценах мобилизация накоплений становилась бы невозможной.

В годы Великой Отечественной войны незаурядные организаторские способности И.В. Сталина позволили в кратчайшие сроки мобилизовать людские и материальные ресурсы на организацию отпора врагу. В 1945 году И.В. Сталину было 66 лет. Он взял на себя всю ответственность за судьбу Отечества и советских людей. Кроме Верховного главнокомандующего, он оставался на постах Генерального секретаря ЦК ВКП (б), Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Государственного Комитета Оборона. Это была нечеловеческая нагрузка. Работать приходилось по 15–16 часов в сутки. Под его руководством и прямом участии разрабатывались, планировались и им же утверждались практически все крупные военные операции. Он контролировал работу предприятий, институтов и конструкторских бюро, занятых производством и созданием новых типов военной техники.

Ни один серьезный исследователь не вправе принимать или не принимать что-то за истину в силу своих убеждений или предпочтений. Вопреки широко распространенным представлениям, главной мишенью идеологов послесталинской генерации был не сам Сталин, а политический курс и определенная тенденция, которые связывались с именем последнего. Российский историк Юрий Жуков прямо указывает, что цель Н.С. Хрущева состояла в том, чтобы положить конец демократическим реформам, начатым, но так и не завершенным при жизни И.В. Сталина. Сталин разделял ленинские взгляды на представительную демократию и стремился укоренить её принципы в национально-государственном устройстве СССР.

Именно И.В. Сталин стоял во главе борьбы за демократизацию советского общества, борьбы, которая оказалась в самой сердцевине политических процессов, происходящих в СССР в 1930–1950-е годы. Суть их сводится к тому, чтобы роль компартии в управлении государством была бы значительно сужена, а выдвижение госуправленцев происходило не по партийным спискам, а на основе демократических процедур.

Чтобы объективно оценить роль Сталина в судьбе нашей страны, необходимо вспомнить, какая перспектива планировалась внешними силами в отношении России в самом начале XX века. Известно, что в масонских кругах Франции все настойчивее выдвигалась идея расчленения России. Еще Парвус – известный деятель мировой закулисы, в 1915 году предложил немцам свой план расчленения России, который и был принят.

Более того, не большевики, а Временное правительство ликвидировало русское самодержавие, что означало фактическое уничтожение Российской Империи. Октябрьская революция повернула события в другую сторону. На протяжении всего нескольких лет была в основном восстановлена территориальная целостность Российской Империи. И заслуги И.В. Сталина в историческом восстановлении российской государственности неоспоримы.

Дальнейшее развитие России было возможно в двух направлениях. Одно направление – экстремальный марксизм с идеей перманентной революции, представлял Л.Д. Троцкий и его единомышленники. Другое – умеренное направление социализма возглавлял И.В. Сталин.

России тогда повезло – победила сталинская линия, направленная на дальнейшее восстановление российской государственности. В результате на протяжении 1930-х годов произошел поворот политики руководства страны к национальным истокам: коллективизму и общинности, осознанию принадлежности к единому государству, превалированию национальной идеи над индивидуальным стяжательством, умению жертвовать собой. Перед СССР стояла задача построения мобилизационного общества. Сталин с этой задачей справился, на полученный от коллективизированного крестьянства хлеб он построил заводы, метро, танковые колонны, эскадрильи самолетов, предоставил массе безграмотных рабочих и крестьян возможность получения бесплатного образования.

Для того чтобы оценить роль И.В. Сталина в Победе, надо понимать, что представлял собой германский фашизм, который стремился не просто к мировому доминированию, а к физическому уничтожению России и русского наро-

да. Победа СССР над Германией означала второе спасение России, в котором выдающуюся роль сыграл Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин.

Масштабы полководческой деятельности И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны были поистине безграничны. Сталин осуществлял руководство всеми Вооруженными Силами страны, каждодневно направлял и координировал боевые действия всех фронтов и армий. Его деятельность пронизывала все важнейшие сферы внутренней и внешней политики Советского государства – от военной экономики и идеологии до дипломатии.

Сталину в результате победы над Германией удалось вернуть ранее утраченные территории. Ему удалось создать всеславянский союз во главе с Россией в своеобразной форме стран социалистического содружества, что резко изменило геополитическое положение СССР и сделало нашу страну менее уязвимой в плане внешней опасности. Таким образом, по итогам Великой Отечественной Войны И.В. Сталин снова спас Россию.

Вместе с тем, тяжелые уроки войны и неизбежность новой «холодной войны» убедили Сталина в необходимости дальнейшей индустриализации. В итоге была создана мощная научно-техническая база, связанная с разработкой ядерного оружия. Таким образом, ядерный щит современной России был выкован именно при Сталине и при его непосредственном участии. Так И.В.Сталин в третий раз в значительной мере способствовал спасению России перед лицом внешних угроз.

Советская авторитарная система сложилась в своих основных чертах в годы индустриализации, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Это – эпоха так называемого мобилизационного социализма. Смысл и значение отдельных периодов истории можно правильно понять только при одновременном осмыслении предшествующего и последующего исторических периодов, через причинно-следственный, а также сравнительный анализ.

К 1928 году Советская Россия оказалась в ситуации, очень похожей на современную обстановку. Внешние угрозы для нашей страны всегда были очевидны. В начале 1931 года Сталин скажет, обосновывая необходимость форси-

рованной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства: «Задерживать темпы – это значит стать. А отсталых бьют... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Фашизм в Германии набирал силу – война против СССР была неизбежна. В тех условиях необходимо было срочно создавать экономический фундамент национальной безопасности, взяв за основу модель мобилизационной экономики. И никто еще из исследователей не привел убедительных расчетов, которые бы показали иную возможность осуществить всего за 10 лет индустриализацию и создать мощный оборонный потенциал, способный противостоять внешней агрессии.

А вот расчеты, подтверждающие правильность мобилизационной стратегии, были проведены. В 1989 году было проведено моделирование варианта Бухарина современными математическими методами. Расчеты показали, что при продолжении НЭПа был бы возможен рост основных производственных фондов в интервале 1–2% в год, но при этом нарастало бы отставание не только от Запада, но и от роста населения СССР – 2% в год. Это предопределяло поражение при первом же военном конфликте, а также внутренний социальный взрыв из-за нарастающего обеднения населения. Был взят курс на ускоренную индустриализацию, что означало конец НЭПа.

Кризис индивидуального крестьянского хозяйства стал очевиден уже к 1927 году. В декабре 1927 года выявились непредвиденные трудности с хлебозаготовками – закупкой у крестьян зерна, а не продразверсткой. Дело шло о создании необходимых запасов хлеба для населения городов, для армии и т. д. Но получить эти необходимые государственные запасы удалось лишь путем применения чрезвычайных мер. Дефицит хлебозаготовок к 1927 году составил около 100 миллионов пудов. После срыва заготовок хлеба в 1927 году пришлось пойти на чрезвычайные меры – твердые цены, закрытие рынков и даже репрессии, вопрос должен был решаться срочно. В 1929 году карточки на хлеб были введены во всех городах, в 1928 году – в части городов. У крестьян был лишний хлеб, который они не могли обменять на качественные промтовары за отсут-

ствием последних. На просьбы правительства СССР отдать хлеб добровольно крестьяне отвечали издевками. Вопреки данным крестьянам гарантиям, в июне 1929 года принудительная продажа излишков была узаконена. Количество этих излишков, изъятых государством, оценивается в 3,5 млн тонн в 1929 году [1, с. 204]. Срыв хлебозаготовки попытались объяснить организационными ошибками – сбоями в снабжении крестьян необходимыми промышленными товарами, которые они обменивали на хлеб, а также ослаблением борьбы с кулаками, которые, дескать, активно срывали хлебозаготовки. Но ознакомившись с докладной запиской члена коллегии ЦСУ В.С. Немчинова [2, с. 226–227], Сталин резко изменил мнение. Он утверждал, ссылаясь на Немчинова, что эти трудности объясняются, «прежде всего, и главным образом, изменением строения нашего сельского хозяйства в результате Октябрьской революции, переходом от крупного помещичьего и крупного кулацкого хозяйства, дававшего наибольшее количество товарного хлеба, к мелкому и среднему крестьянскому хозяйству, дающему наименьшее количество товарного хлеба» [3, с. 84].

В.С. Немчинов (1894–1964) – выдающийся представитель сложившийся в конце XIX – начале XX века русской экономической школы, в которой сформировался, в частности, и один из крупнейших экономистов мира Василий Леонтьев, эмигрировавший на Запад, точнее, ставший невозвращенцем, в 1930 году. Впоследствии, в 1960-м, Леонтьев писал, что его интеллектуальные корни произросли на плодородной почве Советской России 1920-х годов. В. С. Немчинов был знаком ему с юных лет, и Леонтьев отзывался о нем уважительно. В «записке» или, вернее, исследовании В. С. Немчинова, определившем переворот в представлениях Сталина, было показано, что до 1917 года более 70 процентов товарного хлеба давали крупные хозяйства, использующие массу наемных работников, в 1913 году – 4,5 млн человек.

После революции обширные земли этих хозяйств были поделены, количество крестьян-единоличников выросло на 8–9 млн. Поэтому крестьяне к 1928 году производили почти на 40 процентов больше хлеба, чем дореволюционное крестьянство. Но, как и до 1917 года, почти целиком потребляли его са-

ми. На продажу шло всего только, как показал В.С. Немчинов, 11,2 процента крестьянского хлеба. В 1926 году при таком же, как в 1913 году, урожае, экспорт зерна был в 4,5 раз меньше. И это был самый высокий за годы НЭП показатель.

Итак, ситуация к 1928 году сложилась поистине тупиковая. В урожайном 1926 году крестьяне, как показал В. С. Немчинов, произвели более 4 млрд пудов, то есть 65,5 млн тонн хлеба – почти на 25 млн больше, чем дореволюционное крестьянство, – но продали всего лишь 466 млн. пудов, – то есть 7,4 млн тонн. Между тем городское население росло тогда стремительно, и к концу 1928 года пришлось ввести в городах распределение хлеба по карточкам [4, с. 192–193].

НЭП восстановил положение в народном хозяйстве. В 1922 году урожай достиг 75% от уровня 1913 года, а в 1925 году посевная площадь достигла довоенного уровня. Выйдя на эти показатели, главная отрасль экономики – сельское хозяйство – стабилизировалась. Однако в нем нарастал тот же самый кризис аграрного перенаселения, что поразил Россию в начале века и побудил к реформе Столыпина. К 1928 году абсолютный прирост сельского населения составил по сравнению с 1913 годом 11 млн человек – 9,3%, а общая посевная площадь выросла всего на 5%, причем посевы зерновых совсем не увеличились. Таким образом, посевы зерновых на душу населения сократились на 9% и составили в 1928 году всего 0,75 га.

За счет некоторого роста урожайности производство зерна на душу сельского населения выросло всего до 570 кг. При этом заметно возросло поголовье скота – до 60 голов крупного рогатого скота на 100 га пашни в 1928 году против 55 в 1913 году. Больше стало и птицы. На их прокорм в 1928 году расходовалось почти 32% зерна. Конечно, питание крестьян заметно улучшилось, но товарное производство зерна сократилось более чем вдвое и составило 48,4% от уровня 1913 года. В результате началось сокращение доли рабочей силы, занятой в промышленности и торговле – процесс, несовместимый с индустриализацией. Доля занятых в промышленности к 1928 году снизилась до 8%, в

1913 году – 9%, а занятых в торговле до 3%, в 1913 году – 6%. Напротив, доля занятых в сельском хозяйстве возросла за это время с 75 до 80%. Шла натурализация и архаизация народного хозяйства.

XVI партконференция (23–29 апреля 1929 года) приняла план пятилетки, согласно которому капиталовложения в промышленность резко возрастали. Если за предыдущее десятилетие капиталовложения составили 26,5 млрд руб., то теперь планировалось 64,6 млрд, при этом вложения в промышленность повышались значительно быстрее – с 4,4 млрд до 16,4 млрд руб. 78% вложений в промышленность направлялись на производство средств производства, а не потребительской продукции. Это означало изъятие огромных средств из хозяйства, которые могли дать отдачу через несколько лет. Промышленная продукция должна была вырасти за пятилетку на 180%, производство средств производства – на 230% [5, с. 202]. Конечно, это была жертва, которую приносил наш народ, жертвуя своим сегодняшним благосостоянием ради будущего страны.

Высокие темпы индустриализации были достигнуты через трудовое и творческое подвижничество всего советского народа при общем энтузиазме, по силе сходном с религиозным. Однако условием и в какой-то мере следствием этого порыва был авторитаризм – соединение общества жесткими скрепами, которые из всех и из каждого «выжимали» все физические и духовные ресурсы.

Одним из главных механизмов этой авторитарной системы было государство. В СССР были построены тысячи заводов. Нашей стране помог кризис мирового капитализма 1929–1933 годов. СССР тогда оптом скупал на выгодных для себя условиях огромные партии промышленного оборудования, не находившего сбыт в силу мирового кризиса перепроизводства. Так, например, наша страна тогда закупила почти 80% мирового производства всего кузнечнопресового оборудования и примерно такой же объем токарно-фрезерных станков.

В целом темпы индустриализации были небывало высокими, а сегодня они кажутся невероятными – с 1928 по 1941 год было построено около 9 тысяч крупных промышленных предприятий. Промышленность по отраслевой структуре, техническому оснащению, возможностям производства важнейших видов

продукции вышла в основном на уровень развитых стран. Был осуществлен массовый выпуск самолетов, грузовых и легковых автомобилей, тракторов, комбайнов, синтетического каучука и т. д. Стала быстро развиваться оборонная промышленность.

Принципиально важно подчеркнуть, что высокие темпы индустриализации обеспечивались не столько импортной техникой, сколько массовым энтузиазмом, творческим порывом и рационализаторством широких трудящихся масс. В результате к концу 2-й пятилетки в крупной промышленности производительность труда намного превысила плановые задания и возросла на 82%. Произошло заметное усиление интенсификации производства. Валовая продукция увеличилась по сравнению с 1-й пятилеткой в 1,2 раза. При этом число рабочих и служащих росло в 4 раза медленнее, а энерговооруженность увеличивалась в 4 раза быстрее. Промышленность уже не приносила убытков, став к 1938 году в целом рентабельной.

Люди 1930-х годов добились важнейшего результата – преодолели технико-экономическую отсталость страны и сделали СССР полностью экономически независимым. Некогда преимущественно аграрная Россия добилась того, что по структуре промышленного производства вышла на уровень наиболее развитых стран мира. По объему промышленной продукции СССР обогнал Англию, Германию, Францию и занял второе место в мире, уступая лишь США. О том, что держава крепко встала на ноги, говорит такой факт – в 1936 году удельный вес импортной продукции в общем потреблении страны снизился до 1 – 0,7%, а торговый баланс к исходу второй пятилетки стал активным и принес прибыль [6, с. 191–192].

Выстраивая стратегию на будущее, нашей политической элите принципиально важно посмотреть, как поступил Сталин в аналогичной ситуации. Это тем более важно, что мы уже знаем, что политика Сталина отхода от НЭПа была исторически вынужденной и стратегически правильной. А ее положительные результаты всемирно известны, и были использованы в большинстве развивающихся стран, проводивших политику импортозамещающей индустриализации.

зации, по сути, копируя сталинскую модель [7, с. 343]. Сталинский опыт для нас важен и тем, что он создал в стране огромное пассионарное напряжение. Труд тогда превратился в героическое мужское дело – стал борьбой, а мир, его каждый день – воспринимался именно как победа, как еще одно достижение на трудовом фронте. Люди жили, опережая время, устремляясь вперед, живя ради трудовых подвигов и свершений, видя в этом великий смысл своей жизни. Они шли на работу в героическом порыве, сознательно жертвуя своим сегодняшним благополучием во имя светлого будущего, ради будущих поколений.

Всю страну объединила тогда идея великого братства, всех сплотило морально-политическое единство вокруг таких священных понятий, как солидарность, коллективизм, общественный долг и служение Родине. А носителем всех этих ценностей, имеющих, по сути, христианский характер, было наше новое общенародное государство, которое стояло тогда зорко на страже интересов людей труда, которое тогда было действительно общенародным. Под влиянием этих идей предприятия функционировали у нас как производственная община – как трудовая семья, а народное хозяйство, общество и страна в целом – как семья народов.

Необходимо учитывать, что издержки реформ, направленных на ускорение индустриального развития нашей страны, оказались значительно больше, чем можно было предполагать вначале, и выразились не только в спаде экономики (душевой ВВП в 1932 году был ниже, чем в 1930-м), но и в повышенной смертности населения от недоедания. Правда, любыми оценками числа умерших в результате этого голода надо оперировать с большой осторожностью, поскольку никаких прямых источников для их подсчета нет и не было, что постоянно приводит к появлению в СМИ самых фантастических цифр.

Скрупулезный анализ разных источников, включая материалы переписи 1937 года, приводит к получению оценки избыточной смертности в СССР в 1932–1933 годах в размере 4,2–4,3 млн человек, из них 1,9 млн пришлось на Украину, примерно 1 млн – на КазАССР, остальное приняла на себя Россия,

прежде всего, Северный Кавказ и Поволжье, а также Центральный и Центрально-Черноземный районы, Урал и Сибирь.

Анализируя причины повышенной смертности в 1932–1933 годах, надо, в первую очередь, сказать о том, чего на самом деле не было. Во-первых, не было увеличения количества хлеба, отчуждаемого государством у колхозов и единоличников. План хлебозаготовок на 1932 год и объем реально собранного государством зерна были радикально меньше, чем в предыдущие и последующие годы десятилетия. ЦК ВКП (б) снизил план хлебозаготовок постановлением от 6 мая 1932 года, позволившим колхозам и крестьянам реализовывать зерно по свободным рыночным ценам. Ради стимулирования роста объемов производства зерна это постановление уменьшало план хлебозаготовок с 22,4 млн тонн (квота 1931 года) до 18,1 млн, это лишь чуть более четверти прогнозировавшегося урожая. Поэтому сказать, что у колхозников «выгребали последнее», нельзя. В качестве частичной компенсации государство увеличило план для совхозов с 1,7 млн тонн до 2,5 млн, и общий план хлебозаготовок составил 20,6 млн тонн. Поскольку предварительный план, составленный Наркоматом торговли в декабре 1931 года, устанавливал план хлебозаготовок в объеме 29,5 млн тонн, то постановление от 6 мая реально уменьшило его на 30%. Последующими постановлениями также были снижены планы по заготовкам другой сельхозпродукции. Фактически суммарный объем отчуждения зерна из села по всем каналам (заготовки, закупки по рыночным ценам, колхозный рынок) уменьшился в 1932–1933 годах примерно на 20% по сравнению с предыдущими годами. При этом с начала пятилетки на промышленные стройки и в города хлынуло более 10 млн. бывших жителей села, и количество граждан, получавших продукты по карточкам, выросло с 26 млн. в 1930 году до 40 млн. в 1932-м. Хлебные нормы неуклонно снижались, при этом часто хлеб по карточкам не выдавали полностью. Осенью 1932 года нормы для киевских рабочих были урезаны с 2 до 1,5 фунта, а хлебные пайки служащих – с 1 до 0,5 фунта (200 г). Это ненамного больше норм блокадного Ленинграда. О том, что голод возник не в результате перераспределения ресурсов хлеба от села к городу, говорит и тот факт, что го-

лодали не только сельские, но и промышленные районы, хотя и в несколько меньшей степени. Тем не менее, в 1932 году усиливающийся дефицит продовольствия вынудил многих рабочих бросать работу и отправляться на поиски пропитания. Во многих отраслях промышленности текучесть кадров превышала 100% каждые несколько месяцев, а уровень промышленного производства упал до показателей 1928 года. К середине 1933-го волна смертности от голода и связанных с ним заболеваний распространилась на города, не обойдя и Москву.

Во-вторых, не было увеличения экспортных поставок зерна. Недостаток ресурсов и нарастающее обострение продовольственной ситуации вынуждали советское руководство возвращать зерно из государственных запасов в регионы, пострадавшие от голода. Трижды – после неурожаев 1931, 1934 и 1936 годов – заготовленное зерно возвращалось крестьянам за счет сокращения объемов экспорта. В частности, в рассматриваемый период объем экспорта зерна был сокращен с 5,2 млн тонн в 1931 году до 1,73 млн тонн в 1932-м. В 1933 году он еще снизился – до 1,68 млн тонн. Тем не менее, количество зерна, проданного на экспорт в первой половине 1933 года, могло бы обеспечивать 2 млн человек ежедневным рационом (1 кг) на протяжении полугода, что, с учетом приведенных выше оценок, теоретически могло бы спасти примерно половину погибших от голода в этот период. Была ли у советского руководства такая возможность? Дальнейшее сокращение или прекращение экспорта советского зерна могло бы привести к катастрофическим последствиям. В начале 1930-х годов в связи с мировым экономическим кризисом цена зерна на мировом рынке упала, и условия внешней торговли для Советского Союза резко ухудшились. Лишь в августе 1933 года Канада, США, СССР, Австралия и Аргентина подпишут Соглашение о зерне с целью увеличения и последующей стабилизации мировых цен на этот продукт (некий «зерновой аналог» ОПЕК). Но в 1932 году страна реально находилась на грани дефолта по внешним долговым обязательствам. Западные банкиры и чиновники начали задумываться о

возможности конфискации советской собственности за границей и об отказе в дальнейшем кредитовании.

В-третьих, даже если предположить у советского руководства намерение специально морить голодом собственное население, для того чтобы подавить сопротивление крестьян коллективизации или националистические настроения (последнее обычно выводится из того, что наиболее пострадавшими от голода, помимо Украины и Казахстана, оказались регионы, заселенные казаками и поволжскими немцами), конкретные шаги властей говорят о совершенно противоположном. Для основных зернопроизводящих районов – Украины и Северного Кавказа квоты по объему заготовок зерна в течение 1932 года неоднократно снижались. В результате, например, на Украину пришлась лишь четверть всего сданного государству хлеба, тогда как в 1930 году ее доля составляла 35%. Объем хлебозаготовок в республике составил в 1932 году 4,7 млн тонн, двумя годами ранее он был чуть ли не вдвое больше – 7,7 млн. тонн. Причина такого сокращения банальна – резко выросшие потери хлеба при сборе урожая, обмолаоте и перевозке. Иными словами, рост отчуждения хлеба сам по себе не мог стать причиной голода просто потому, что забирать было особенно нечего, по этой простой причине забрали в итоге намного меньше, чем в предшествующие годы, когда голода не было.

Настоящие причины голода начала 1930-х лежат на поверхности, и они весьма просты. Так же, как и в случае горбачевских реформ начала 1990-х, выведенная из равновесного режима экономика отреагировала на них не ожидавшимся ростом производительности, а тем, что попросту развалилась. Продуктивность села, вопреки официальным данным, катастрофически упала. В официальной советской статистике это падение валового сбора зерна в первые годы после коллективизации тоже показывается. Но оно не настолько велико, чтобы привести к столь масштабной трагедии. Скажем, урожай 1932 года, если верить этим цифрам, лишь ненамного меньше довольно благополучных 1925 и 1927–1929 годов и чуть ли не вдвое больше тоже катастрофического года «великой засухи» – 1921-го (69,9 млн тонн против 36,2), и даже чуть больше, чем в 1931-

м. Голод при таком, вполне удовлетворительном по меркам того времени, урожае действительно мог быть только «искусственно организованным». Но эти цифры, озвученные Сталиным на XVII съезде и так и не пересмотренные потом советской статистикой, – «липа». Ее назначение – свидетельствовать об успехах коллективизированного села, которых, конечно же, не было. Урожаи подсчитывались методом биологической оценки (оценки на корню), этот метод – по существу, прогнозный – был официально узаконен постановлением СНК от 17 декабря 1932 года и отменен только при Хрущеве. Поскольку реальные потери зерна в процессе уборки составляли не менее 25% расчетного урожая, биологический метод оценки урожайности завышал реальные показатели как минимум на 15%. Данные зерновых балансов СССР в начале 1930-х годов, реконструированные по архивным источникам, свидетельствуют о том, что реально наблюдалось резкое падение сбора зерновых на протяжении двух лет подряд – в 1931-м и особенно в 1932 году, когда урожай был в лучшем случае на четверть меньше урожая 1930 года и на 19% меньше официальной цифры. По подсчетам, базирующимся на архивных данных, по урожайности и засеянным площадям, урожай мог быть даже и на 30% ниже официальной цифры, а что касается Украины, то тут собрали лишь 8,5 млн тонн, или менее 60% от официально заявленных 14,6 млн тонн, иными словами, 40% биологического урожая погибло. И если бы объем хлебозаготовок тут не то что вырос, а просто оставался на уровне 1930 года и не было бы последующей помощи из общесоюзных зерновых фондов, то голодная смертность на Украине составила бы не 6,5% населения, как вытекает из наших оценок, а значительно выше.

В чем же причина столь резкого падения продуктивности – ведь по погодным условиям 1931–1932 годы, хоть и менее благоприятные, чем предыдущие, катастрофическими отнюдь не были? И опять все предельно просто. В результате коллективизации произошло катастрофическое снижение уровня агротехники. Падение поголовья рабочего и продуктивного скота, стихийная миграция сельского населения предопределили резкое снижение качества основных сельскохозяйственных работ. Хлебные ресурсы для промышленных центров добы-

вались, в том числе, и за счет фуражного зерна. В результате зимой 1931/32 года произошло самое резкое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота с начала коллективизации. Обобществленный скот нечем было кормить. Согласно зерновому балансу в 1932 году на корм скоту доставалось вдвое меньше зерна, чем в 1930-м. Пало 6,6 млн. лошадей – четвертая часть из еще оставшегося тяглового скота, остальной скот был крайне истощен. Общее поголовье лошадей сократилось в СССР с 32,1 млн в 1928 году до 17,3 млн в 1933-м. Катастрофическим по своим последствиям стало постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 30 июля 1931 года «О разворачивании социалистического животноводства», на практике означавшее банальную реквизицию скота с крестьянских подворий, что, по замыслу, наверное, должно было привести к снижению трудозатрат на содержание скота и более эффективному использованию тягловой силы лошадей и быков. В ответ значительная часть скота была просто уничтожена крестьянами. От 107,1 млн овец и коз, которые были на начало 1930 года, к 1933-му осталась лишь треть, свиней и крупного рогатого скота – около половины или меньше того.

Резкая урбанизация тоже не прошла бесследно. Хотя в царской России и в СССР 1920-х годов существовало аграрное перенаселение и, по идее, плавный отток сельского населения в города не должен был бы катастрофически сказаться на продуктивности деревни, проблема состояла в том, что в города бежала наиболее работоспособная масса здоровых и молодых крестьян – сначала от страха перед раскулачиванием, затем от колхозной нищеты в поисках лучшей доли и, наконец, от постепенно надвигающегося голода. Кроме того, около 2 млн крестьян, попавших под раскулачивание, были выселены в отдаленные районы страны.

Итак, к началу весенней посевной 1932 года деревня подошла с серьезным недостатком тягловой силы и резко ухудшившимся качеством трудовых ресурсов. При этом мечта «пахать землю тракторами» все еще оставалась мечтой. Суммарная мощность тракторов достигла планируемой на 1933 год цифры лишь через семь лет, комбайны только начинали использоваться. В итоге поля,

засеянные хлебами в 1932 году на Украине, на Северном Кавказе и в других районах, зарастали сорняками. На прополочные работы были направлены даже части РККА. Но это не спасало, и при довольно сносном биологическом урожае 1931/32 года, достаточном, чтобы не допустить массового голода, потери зерна при его уборке выросли до беспрецедентных размеров. В 1931 году, по данным НК РКИ, при уборке было потеряно более 15 млн тонн (около 20% валового сбора зерновых), в 1932-м потери оказались еще большими. На Украине, как уже отмечалось выше, на корню осталось до 40% урожая, на Нижней и Средней Волге потери

достигли 35,6% от всего валового сбора зерновых. Именно в этом, в возврате к пещерному уровню агротехники, произошедшему всего за два года активного государственного вмешательства в экономику села, и лежат причины массовой голодной смертности в советской деревне.

Эпоха сталинского правления была для нашего народа героической. В такие времена свершаются великие деяния, и, конечно же, они сопряжены с немалыми жертвами. Так было во все века и в разных странах. И дело не столько в личности правителя, сколько в народе, вернее сказать, в их единстве и самоотверженности. Героизм не бывает подневольным, трудовой подъем – по приказу начальства. Массовый террор никогда и нигде не укреплял государство. Тем, кто убежден в обратном, хорошо известны страх и лицемерие, но неведома суть подвига, энтузиазма и любви к Родине.

Современные подходы к оценке эпохи И.В. Сталина не должны основываться на ее очернении. В 1930-е годы прирост населения в СССР составлял 1,5–2% при постоянном уменьшении смертности, что имеет важнейшее значение. Как это понимать?! Неужели советский человек вопреки всем законам природы и общества размножался в неволе при массовом терроре, а когда ему «даровали» свободу, он столь же парадоксальным образом стал вымирать?!

До недавнего времени проблема исторического осмысления государственной деятельности И.В. Сталина, либо сознательно игнорировалась историками, либо не являлась предметом объективного исследования. Актуальность данной

исторической проблематики обусловлена, прежде всего, тем, что нынешний кризис постсоветской государственности и дальнейшая дезинтеграция СНГ не преодолены. В свое время большевикам удалось предотвратить распад России. Этот факт им ставили в заслугу их непримиримые противники – управляющий делами правительства А.В. Колчака Г.К. Гинс, близкий к А.И. Деникину политик В.В. Шульгин, известный историк С.П. Мельгунов, не говоря уж о сменовеховцах во главе с Н.В. Устояловым и евразийцах во главе с П.Н. Савицким и Н.С. Трубецким. Советский Союз не был «империей зла» и не являлся сверхидеальным государством, он имел свою внутреннюю логику развития, достижения и проблемы. Изучение образования и развития СССР требует активного использования методов историческо-цивилизационного анализа, то есть исследования политической истории государства с учетом географических, социокультурных и других факторов, влияющих на политические процессы, которые происходят в государстве.

Вопрос о том, почему и как произошло крушение советской системы, давно стал темой научных исследований и дискуссий. Двадцатилетний «юбилей» развала СССР послужил на Западе поводом для новой серии конференций и «памятных» мероприятий. Одно из них состоялось в Бремене 19–21 мая 2011 года, где собрались историки из Европы и США, развивавшиеся как исследователи после 1991 года. Конференция «Конец Советского Союза? Причины и последствия 1991 года» была организована Сюзанне Шаттенберг и Майке Леман из Центра изучения Восточной Европы Университета Бремена (Forschungsstelle Osteuropa) при поддержке Volkswagen Stiftung.

Открылась конференция «круглым столом» «Причины и последствия 1991 года», на котором в качестве главных докладчиков выступили известные американские историки – Стефен Битер, редактор самого актуального журнала профессионального сообщества историков СССР – «Kritika» и Кевин Плат, профессор Университета Пенсильвании.

Кевин Платт как крупный специалист по дискурсивным практикам, отраженным в российской/советской историографии, сосредоточил свое выступле-

ние на вопросе, каким образом и почему изменилась оценка конца Советского Союза за прошедшие двадцать лет. Он отметил, что существующий в настоящее время большой интерес к советскому прошлому связан не с банальным «превращением в историю» – отдаленностью во времени, а, напротив, с актуальностью этого прошлого для понимания настоящего. Конец холодной войны – это конец определенного мироустройства. Плат признал научное сообщество к пересмотру советского прошлого для создания концепций будущего.

Стефен Биттер сделал доклад на тему «Дефект конструкции или целенаправленное разрушение? Хронология коллапса Советского Союза». Он отметил, что конец СССР можно рассматривать с трех различных исследовательских позиций: во-первых, его можно понимать как распад многонационального государства, во-вторых, как крах плановой экономики, экономический коллапс, в-третьих, как конец холодной войны. По мнению Биттера, решающее значение имеет 1953 год – смерть И.В. Сталина, а хрущевская «оттепель» была началом конца биполярного миропорядка.

Таким образом, историческая оценка государственной и политической деятельности И.В. Сталина крайне актуальна в отечественной и зарубежной историографии. Многие исследователи до сих пор воспринимают Сталина не как исторического деятеля, а как действующего политика.

Список литературы

1. Шубин А.В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. – М.: Вече, 2004.
2. Леонтьев В. Экономические эссе. – М., 1990.
3. Сталин И.В. Сочинения. – М, 1949. – Т. 10.
4. Кожин В.В. Россия. Век XX-й. (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. – М.: Эксмо-Пресс, 2002.
5. Шубин А.В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. – М.: Вече, 2004.

6. Баландин Р. Дипломатические поединки Сталина. От Пилсудского до Мао Цзэдуна. Серия: Эпоха Сталина / Р. Баландин, С. Миронов. – М.: Вече, 2004.

7. Васильев Ю.А. Модернизация под красным флагом [Текст] / Ю.А. Васильев. – М.: Современные тетради, 2006.

Данильченко Сергей Леонидович – д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, РАМТН, РАЕ, руководитель научно-методического центра развития образования, советник директора Филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе, Россия, Севастополь.

Danilchenko Sergey Leonidovich – doctor of historical sciences, professor, academician of RANS, Russian Academy of Medical Technology, Russian Academy of Natural History, head of Research center of education development, counsel to the director at the Branch FSBEI of HE “M.V. Lomonosov Moscow State University” in Sevastopol, Russia, Sevastopol.
